

Предисловие

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут — и так оставят.

А. Пушкин

«Одною ногою наш великий государь попирает Запад, другою — Восток», — говорили про императора Карла V придворные льстецы. Однако даже в зените славы и могущества династии Габсбургов эти слова гораздо лучше подходили их извечным врагам и соперникам — царственному роду Османов, представители которого столетиями властвовали над миллионами квадратных километров и миллионами человеческих жизней в Европе и Азии. Шесть долгих веков мечты, амбиции, а иногда и капризы османских султанов снова и снова перекраивали облик современного им мира. И пусть их триумфы давно отгремели, отзвуки знаменитого турецкого барабана победы слышны и сегодня: на повседневность нескольких десятков ныне существующих государств и населяющих их народов по-прежнему влияют былые подвиги и преступления султанов из рода Османа.

Судьба этой семьи удивительна и в определенном смысле даже уникальна. Истории других знаменитых фамилий в большинстве своем однородны и линейны — как правило, это стремительная деградация от гениального основателя очередной империи к грызущимся за его наследство бесталанным потомкам. Как правило, скорбный путь таких династий от вершины Олимпа к омутам Леты занимал всего несколько поколений и предсказуемо шел

строго под уклон. Османов, однако, ждал значительно более долгий и несравненно более ухабистый маршрут. Неоднократно их молодое государство оказывалось, казалось бы, на волоске от неотвратимой гибели, и лишь невообразимая удача потомков Османа вкупе с их невероятным упорством спасали положение. Нехватку исторического опыта первые султаны с успехом восполняли другими достоинствами: непреклонная вера в собственное превосходство помогала им пережить даже самые сокрушительные поражения, бесстрашие приносило новые ошеломительные победы, а щедрость и готовность к компромиссам нередко обращали поверженных врагов в верных союзников.

Именно в этих качествах следует искать истоки грандиозного и совершенно не предвиденного современниками успеха молодого османского государства. Ведь как бы ни были хороши турки на поле брани, одним лишь страхом или силой оружия они не смогли бы долго удерживать в повиновении десятки разношерстных народов, большинство из которых к тому же изначально превосходили завоевателей в своем социальном и экономическом развитии. В отличие от тех же испанских конкистадоров, османы не стремились уничтожить, выкорчевать все чуждое и непривычное, переkreить покорившихся им людей по своему образу. Напротив, турки охотно заимствовали лучшее из иноземной культуры, а при необходимости и сами подстраивались под обычаи своих новых подданных.

Необычный для того времени культурный синкретизм османов с удивлением отмечали в своих отчетах послы европейских государей: «Редко когда можно было услышать [при дворе] беседу на турецком, ведь большинство султанских вельмож — ренегаты, сменившие веру отцов, но сохранившие их язык и обычаи». На заседаниях

правления и во внутренних покоях дворца высшие сановники Порты чаще изъяснялись на сербском и греческом. Аналогичным образом в первые века существования османской державы велось делопроизводство, особенно в европейских провинциях страны. Уважение, пусть и с корыстными мотивами, к чужим достижениям, способность перенимать и интегрировать в собственное общество лучшие образцы чужой культуры — вот краеугольные камни цивилизационного преимущества османов над зачастую более развитыми, но и более инертными соседями.

Европейская историография, оперируя привычными ей терминами, традиционно именует османскую державу империей. Это не совсем верно. Империализм и свойственная ему принудительная ассимиляция, «отуречивание» побежденных, никогда не лежали в основе османской политики. Сами османы называли построенное ими общество «*Devlet-i Âliye*», что означает «Высокое государство». И следует отдать им должное: поначалу османы действительно стремились соответствовать заявленным идеалам. Политический прагматизм, умеренные налоги, гарантированное султанами право собственности на средства производства и подчеркнутая веротерпимость, не распространявшаяся, впрочем, на единоверцев-«еретиков», — ввиду всего этого простолюдины, обитавшие на оккупированных османами территориях, с удивлением обнаруживали, что под «властью тюрбана» жизнь зачастую легче, чем под властью папской тиары.

Однако столетия ксенофобской пропаганды приучили европейцев воспринимать турок, да и мусульман вообще, в образе опереточных злодеев, персонажей почти карикатурных: кровожадных, фанатичных дикарей, свирепых нечестивцев, в которых нет ничего человеческого...

Вот только исторические источники рисуют нам несколько иную картину. Даже византийские хроники, пропитанные — и не без причины — ненавистью к османам, подчеркивают, что урон, причиненный Константинополю и его жителям войсками Мехмеда II Завоевателя, не шел ни в какое сравнение с опустошениями и зверствами, которым подвергли Второй Рим участники Четвертого крестового похода. И два с половиной века спустя воспоминания об этом оставались настолько остры, что во время последней осады Константинополя многие горожане категорически отвергали военную помощь западных «братьев» по вере, предпочитая открыть ворота перед турками, нежели перед латинянами.

При этом внушаемые простому народу страх и враждебность к «восточной угрозе» отнюдь не мешали европейским правителям посматривать на успехи Османов со сдержанным восхищением и даже завистью. Баснословная роскошь сераля и абсолютный характер султанской власти породили при дворах христианских монархов Старого Света моду на все турецкое. Это проявлялось не только в одежде или музыкальных мотивах, но и в попытках позаимствовать у давних соперников самые удачные их находки. Так, например, в армии Речи Посполитой появились отряды собственных янычар, снаряженных и обученных на манер грозного турецкого оригинала.

К сожалению, застарелые обиды, взаимное недоверие и веками пестуемое с обеих сторон предубеждение не изжили себя и по сей день. Когда в декабре 1999 года новостные ленты сообщили о предоставлении Турецкой республике формального статуса страны — кандидата на вступление в Европейский союз, это известие вызвало настоящий шквал общественного недовольства. Иронично, что ЕС, войти в состав которого турки, по мнению

многих, не готовы или даже недостойны, делает сейчас именно то, что почти удалось османам еще пятьсот лет назад, — формирует наднациональное общество, уважающее самобытность своих членов. При всем пресловутом антагонизме Востока и Запада исторические судьбы ведущих европейских народов на удивление точно повторяют непростой цивилизационный путь османов.

Можно еще долго говорить о неопределимых выгодах, извлеченных прагматичными европейскими державами из соседства с Блистательной Портой. О византийских ученых и художниках, чей массовый отъезд на Запад после падения Константинополя дал мощный толчок итальянскому Возрождению. О трудах античных авторов, вернувшихся из забвения Темных веков в переводах и списках османских книжников. О важных для истории науки открытиях турецких алхимиков, металлургов, астрономов и математиков. О вольном и невольном влиянии османов на эпоху Великих географических открытий, о... Много о чем еще можно было бы упомянуть.

Однако же соблазн необоснованно идеализировать или превозносить турок и их султанов — такая же непростительная ошибка, как и огульное их очернение. Османы не были ангелами во плоти, как не были они и демонами в человеческом обличье. За долгие века на турецком престоле восседали самые разные люди: гении и безумцы, мечтатели и догматики, распутники и аскеты, фанатики и безбожники, поэты и невежды, палачи и праведники, ученые и мистики, отчаянные храбрецы и отчаявшиеся трусы...

И это, пожалуй, главный урок, который пронизательный читатель может извлечь из истории рода Османов — несмотря ни на что, они были обычными людьми. Таковыми же, как мы с вами.

РАЗДЕЛ 1

ОБЩИЙ ОБЗОР

Армия: янычары, ятаганы и ядра

Во времена Эртогрула, отца основателя династии Османа I Гази, грозная османская армия, долгие века считавшаяся практически непобедимой, еще представляла собой обыкновенное народное ополчение, основу которого составляла характерная для анатолийских кочевников иррегулярная добровольческая кавалерия. Перед очередным набегом в селения и стоянки подчиненных Эртогрулу и Осману племен отправлялись гонцы с призывом «Все, кто хочет воевать!». Любой мужчина, способный носить оружие и готовый рискнуть жизнью ради добычи или славы, мог записаться в ополчение. К заранее объявленной дате он должен был явиться на место сбора со своим конем, оружием и всем необходимым для похода. Ввиду того, что такие рейды совершались регулярно, большинство рейдеров-добровольцев были опытными воинами, дисциплинированными и обученными действовать сообща в несложных боевых порядках.

Участники набегов назывались акынджи¹. За свою службу они не получали платы, кроме взятого в бою, но зато такая добыча не облагалась никакими налогами. По мере расширения подконтрольных османам земель

¹ От тур. «*akı*» — «рейд, набег, нападение».

из акынджи формировались корпуса по территориальному признаку, всех добровольцев ставили на государственный учет. В опись заносились следующие сведения о каждом бойце: имя, имя отца и место рождения. Из разношерстной массы желающих попасть в престижные ряды борцов за веру теперь отбирали только самых крепких и отважных юношей с положительными рекомендациями старосты, священнослужителя или другого авторитетного человека. Как и во многом другом, важную роль в организации акынджи сыграли присоединившиеся к османам ренегаты-инородцы, такие как знаменитый османский военачальник Хаджи Гази Эвренос-бей или бывший византийский губернатор Кесё Михаль. Долгое время корпуса акынджи носили названия по именам их первых командиров, например Михалли — в честь Кесё Михалья. Со временем акынджи превратились во вспомогательные войска авангарда. Их задачами стали разведка и психологическое давление на вражеское население за фронтом наступления основных сил османов.

Переход от эпизодических набегов к планомерному завоеванию поставил османов перед необходимостью формирования регулярной армии. Высокоэффективные в условиях маневренной войны «летучие отряды» рейдеров-акынджи совершенно не годились для взятия хорошо укрепленных городов и крепостей. К тому же не получавшие платы добровольцы не желали участвовать в длительных, не сулящих немедленной добычи осадах. Для этой цели Чандарлы Кара Халил-паша, кади¹ столичной Бурсы, объявил среди тюркских крестьян новый рекрутский

¹ В мусульманских странах судья-чиновник, единолично осуществляющий судопроизводство на основе шариата. В Османской империи кади вверялись и административные функции.

набор в отряды пехоты, называемой *яя*, и конницы — *мюселлем*. Государство предоставляло солдатам все необходимое обмундирование и денежное содержание в размере сперва одного, а затем и двух *акче*¹. Это еще не была регулярная армия в современном понимании термина: жалованье выплачивалось только в походах, а в остальное время рекруты возвращались к своему основному роду деятельности — земледелию или скотоводству. За постоянную готовность к мобилизации в мирный период они освобождались от уплаты налогов, что делало военную службу весьма привлекательной в глазах простолюдинов. Мужчины многих турецких поселений отправлялись в армию поочередно, при этом остававшиеся в резерве односельчане традиционно выдавали уходившим на войну некоторую сумму «на расходы» — в счет будущего жалованья и военной добычи.

Части *яя* и *мюселлем* недолго просуществовали в качестве основы османского войска. Растущие нужды армии требовали от солдат большего профессионализма, а главное — более узкой специализации. Не меньшей проблемой стал и политический аспект. Неизбежно образовывавшиеся среди мобилизованных солдат землячества и на фронте продолжали сохранять верность скорее феодалу, из чьих земель они прибыли, нежели султану. Еще хуже обстояло дело с *акынджи*. Рейдеры, подолгу действовавшие автономно, на вражеской территории всецело доверяли лишь своему полевому командиру и неохотно подчинялись кому-либо еще, даже если речь шла о «счастливым повелителе» всех османов. Вкупе с алчностью — ведь рекруты продолжали воспринимать войну исключительно

¹ *Акче* — мелкая серебряная монета весом 1,15 г, содержащая первоначально до 90 % серебра.

как источник дармового обогащения — это приводило к беспорядкам и волнениям. Реорганизацией армии занялся султан Мурад I, преобразовавший ее в так называемое «*yeniçeri*» (ени чери), или «новое войско».

При новом устройстве вооруженных сил, просуществовавшем почти полтысячи лет, сухопутная османская армия делилась на две неравные части:

1) Войско центрального управления, или капыкулу, содержавшееся на средства государственной казны и подчинявшееся напрямую султану. Основной ударной силой в нем служили пехотные части аджеми и янычар. В капыкулу входили также артиллеристы (топчу), оружейники (джебеджи оджагы, или «изготовители лат»¹), саперы, логистические подразделения и тяжелая конница.

2) Провинциальное ополчение, снаряжавшееся на деньги местных феодалов, — наиболее многочисленная часть османской армии. Провинциальное ополчение формировалось в основном из тяжеловооруженных кавалеристов — сипахов, своего рода служилого дворянства Османской империи. Сипахи получали от государства земельные наделы (тимары) и взамен были обязаны лично участвовать в военных кампаниях султана и выставлять по его требованию одного вооруженного всадника на каждые три тысячи акче годового дохода. Помимо сипахов в ополчение входили части авангарда: азапи² (иррегулярная легковооруженная пехота, в основном лучники), акынджи и дели (полевая разведка). К «провинциальному корпусу»

¹ Помимо доспехов и шлемов, оружейники изготавливали для янычар луки и стрелы, а впоследствии — ружья, пули и порох, выплавляли свинец.

² От османского «азеб» — «холостяк». Отряды азапи выполняли в сражениях роль застрельщиков и отражали первый, зачастую самый сильный натиск врага. Смертность среди азапи, бывших, по сути, тактическим расходным материалом, «пушечным мясом», была чрезвычайно высока, поэтому в их ряды охотнее брали холостяков — чтобы не увеличивать в империи число вдов и сирот.

относились также гарнизоны пограничных крепостей и тыловые службы: яя, мюсселемы и другие — их использовали для прокладки дорог, наведения мостов, строительства укреплений, на судоверфях, в государственных шахтах и для других работ.

Первый корпус аджеми оджагы, то есть «необученных», был создан в Галлиполи в конце жизни Орхана I и состоял из военнопленных и специально приобретенных для этого рабов. Наскоро вымуштровав, их бросали в бой или отправляли на тяжелые физические работы вроде строительства дорог и мостов либо организации конных переправ через Дарданеллы. Неудивительно, что, даже несмотря на небольшое жалованье, лояльность первых аджеми была низкой, а процент дезертирства — стабильно высоким. Со временем практику покупки для нужд армии рабов признали неэффективной и неоправданно затратной, и основным источником пополнения рядов янычар стал закон «девширме».

Печально известный закон Мурада II, называемый жителями Балкан «кровная дань», представлял собой налог на немусульманское население империи, по которому раз в три-пять лет из христианских¹ (преимущественно) семей принудительно забирали мальчиков — по одному на каждые сорок дворов — возрастом от восьми до шестнадцати лет для несения службы в корпусе янычар или в султанском дворце. Предпочтение отдавалось юношам лет четырнадцати, высоким, крепким и хорошо сложенным. Процесс отбора строго регламентировался правилами,

¹ «Кровную дань» не платили иудеи и еще несколько категорий османских подданных, однако жители многих традиционно мусульманских регионов империи, боснийцы, албанцы, анатолийские турки, напротив, добивались права участия их детей в девширме. Для выходцев из бедных семей это был едва ли не единственный реальный способ сделать серьезную государственную карьеру.

за исполнением которых следили представители местных светских и религиозных властей. На султанскую службу не брали женатых, сирот, единственных сыновей в семье, детей пастухов и местных чиновников, больных, а также тех, кто владел ремеслом, знал турецкий язык или бывал прежде в Константинополе. Последние два ограничения свидетельствуют о стремлении султана создать собственную, преданную только ему армию — в противовес власти старой тюркской аристократии и популярных полевых командиров газиев¹. С этой же целью при отборе в султанскую гвардию не отдавалось предпочтение никакому народу или региону империи: «Так все народности стремятся превзойти друг друга. Армия же, состоящая из земляков, представляет опасность. У ее солдат нет рвения, они склонны к бунту»². Благодаря такому подходу в константинопольских казармах можно было видеть живущих бок о бок албанцев, греков, босняков, сербов, грузин и даже армян — и все они находились в равном положении.

Отобранных для службы подростков облачали в красные накидки и островерхие колпаки, стоимость которых оплачивали жители их родного селения (так называемая «плата за халат») и большими группами по сто-двести человек отправляли в столицу. Всю дорогу юношей сопровождали отвечавшие за соблюдение девширме имперские чиновники и вооруженная охрана. Конвою приходилось постоянно быть настороже: всегда оставалась вероятность того, что местные жители попытаются

¹ Газии — воины-добровольцы, участвующие в войнах за веру. В Османской империи термин газии стал использоваться как особо почетный титул, который султаны и эмиры прибавляли к своему имени, а также жаловали отличившимся в походах против неверных.

² Из книги «Правление, или Правила для правителей». Османская империя, XVI в.

отбить детей, да и сами мальчишки норовили сбежать при первой возможности. Вот как в своих «Записках янычара» описывает этот путь взятый по девширме Константин Михайлович из Островицы: «...и гнали нас турки, которым мы были поручены. А когда нас вели, мы всегда были начеку: где бы мы ни были, в больших лесах или горах, мы постоянно думали, как перебьем турок, а сами убежим, но мы были тогда так юны, что не сделали этого. Только я с еще двадцатью ночью убежал... и за нами гнались по всей этой земле и, догнав, связали и мучили, волоча за конями; странно, как у нас остались целы души. Потом, когда нас привели, за нас поклялись другие, и среди них — два моих брата, что мы больше этого делать не будем, и так нас спокойно повели за море».

После прибытия в столицу подросткам давали два или три дня отдыха. Затем их осматривали командир янычар и придворный лекарь. Привлекательных юношей спокойного нрава отправляли во дворец, самых способных отсылали на обучение в Эндерун¹. Остальных ждала служба в армии. Но сначала детей на несколько лет отправляли жить в семьи турецких землевладельцев, где они учили государственный язык, постигали основы османских обычаев и религии, приобретали навыки владения разными видами оружия. При этом для предотвращения побега мальчишек девширме тщательно перетасовывали: детей родом из европейской части империи отправляли на воспитание в Анатолию и наоборот. Будущих янычар никогда

¹ Придворная школа, занимавшаяся подготовкой кадров для правительственных учреждений Османской империи. Иногда отбором кандидатов для обучения там занимался лично султан. Выпускники, успешно преодолевшие все семь ступеней обучения, занимали высокие посты, вплоть до главы правительства. Так, из 48 великих визирей Османской империи меньше половины имели тюркское происхождение, остальные же были детьми девширме.

